

МИР ПИСАТЕЛЯ

**ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ
“ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ...”
ИНДЕКС: 26260.
ИНТЕРНЕТ: <http://zavtra.ru/>**

Дубовская О.Ф. Великий русский князь. Повесть о Вещем Олеге. – СПб.: Изд-во “Скифия-принт”, 2014.

Ни с чем не сравнится обаяние книг, наполненных единой, одухотворяющей всё окружающее пространством центральной (не обязательно политической) идеей. Эта всеметающая любовь к предмету своего повествования и к своим героям выглядит порой гораздо предпочтительнее иных цеховых литературных (или иных профессионально выполненных) конструкций.

“Воспоминания террориста” Бориса Савинкова или даже какой-нибудь фантастический-марсианский “Инженер Мэгни” Александра Богданова навсегда отмечены тем истинным знаком подлинности, за которым стоит ни что иное, как душа их авторов. Эти книги однозначно не пишут ради денег или литературного самоутверждения. Они рождаются естественно и органично, как дети.

И в этом смысле роман Ольги Дубовской “Великий русский князь” смело можно рекомендовать для чтения всем, кто захочет открыть для себя мир русского языческого изначания. Этот роман-любовь, роман-гимн, роман-притчу, схожий по производимому им эмоциональному эффекту с произведениями Валентина Иванова или Дмитрия Балашова.

Казалось бы, о русском язычестве сейчас пишется и издаётся книг очень много. Читай себе да радуйся. В действительности, увы, зачастую читателю подсовывается лишь в той или иной степени адаптированный к злобе дня суррогат. Значимый исключительно для самолюбия самого автора и круга его спонсоров.

Вспомнить хотя бы о 590-страничном щедро иллюстрированном томе “Тайная история русского язычества”. Начинаешь читать и очень скоро, по версии автора, оказываешься: “...здесь следует обратить внимание на тайные секты русского православия. Они всегда были малочисленны, и их старообрядцы не считали особо христианскими, поскольку именно в эти секты и уходила языческая и ведославная традиция.

Речь идёт о сектах, коих обвиняли в хлыстовстве, то есть о русской хлыстовщине, “белых голубях”, анастасиевцах, параскеевцах, духоборах и прочих...”. Иначе говоря, носители древних традиций на Руси после крещения князя Владимира являлись разнокалберные сектанты, в первую очередь, хлысты и прочие персонажи романов Мельникова-Печерского. А если кому, пытаюсь понять русское изначание, не хочется молиться на языческие и их “кормичи”, то автор начинает приводить подпорки из современных мидвильных фигур.

То Владимир Высоцкий тут всплывает на, видимо, убедительном для автора основании наличия у барда песен с понятиями “Сирин” и “Алконост”. То Евгений Евтушенко, чья близость к традициям проявилась в посещении квартиры автора и восхищении авторскими писаниями.

Посещение квартиры как критерий истины – мудрость веков просто брызжет. Такая вот, прости Господи, “тайная история русского язычества”!

Данное замечание необходимо сделать, чтобы отчётливее и рельефнее проявилась суть книги Дубовской, автора трёхтомника “История для русского юношества” и современного издания букваря глаголицы “Глаголита”. Последовательный и убеждённый сторонник русского изначания не просто взялся за большую художественную форму, но сделал это осознанно, с огромным жаром души, выплывавшая, что называется, на разрыв аорты.

Ольга Дубовская уверенно дистанцируется от литературных условностей даже тем, что своё 404-страничное произведение с уведомлением “Конец первой книги”, предполагающим продолжение, величает “повестью”. Не “романом”, как оно есть по сути и как одновременно модно и престижно сейчас именовать книги, чтобы вернее уложиться в иной премиальный коммерческий формат, а “повестью”.

Предельно скромно, намеренно позиционируя себя не “романистом”, неким потенциальным “инженером человеческих душ”, а просто рассказчиком, который должен рассказать то, что знает. Так к предложенному тексту, пожалуй, и следует относиться. Погружаясь в это авторское эмоциональное состояние.

Действие книги начинается в новгородской Руси, сразу после кончины князя Гостомысла. Причём, главный герой, Олег, тогда ещё 12-летний мальчик, свободно читает в Родовой книге “Сказ о сыне Перуна и Роси Дажьдбоге”, прекрасно умея читать, буквально с первых букв романа опровергая частый миф о некрещёных русичах как диких, невежественных зверях.

“От супругов Живы и Дажьдбога родились люди, – читает Олег, вводя и себя, и читателя в художественный мир Ольги Дубовской, мир мистический, красивый, легендарный. – Они се-

яли ячмень, жито, гречиху и волокнистый лён. Они пасли скот и пели песни, прославляющие родителей Дажьдбога и Живу. Земля жила в мире, тишине и согласии”.

А когда, согласно сказу, хвостатые и большеловые змеи унесли с неба Солнце, то Дажьдбог отправился в кузницу Сварога вместе с Живой, сёстрами

Андрей КАНАВЩИКОВ

Живое солнце Дажьдбога

Утром и Вечерей. В итоге из тела Дажьдбога Сварог сковал новое Солнце, Жива дала этому Солнцу лучи жаркие, а сёстры Утро и Вечера водят под уздцы четырёх разномастных коней, на которой едет Солнце.

История ключевая для Дубовской и для всего дальнейшего повествования. О самопожертвовании во имя общего дела, во имя народа, с одной стороны, и типичности этого самопожертвования, “естественности”, с другой.

“Олег закрыл книгу и долго сидел в задумчивости. Он поглядывал на свои ноги, руки, потрогал голову: “Значит, из моего тела Сварог мог бы тоже сковать солнце, – размышлял он. – Шукка же так и рекла, что для нового солнца сгодится любой человек”.

Иначе говоря, главным герой не столько восторгается поступком Дажьдбога, сколько ощущает в себе всё ту же органическую готовность стать “новым Солнцем”, если это потребует. Обозначая и характер конкретного человека, и идеиную высоту художественного текста.

Не менее легендарно, чем о сыне Перуна, рассказывается и о князе русов Гостомысле. Для него при жизни нормальным было зайти “то к мечнику, то к гончарам, то к бондарям”: “Возьмёт в руки молот и отбивает раскалённую полосу железа до тех пор, пока из неё не образуется лезвие меча. Любил князь и за гончарным кругом посидеть. Порой выпелит горшок, что его и отличить совершенно невозможно от изделия гончара-искусника. Весной своё поле князь всегда засеивал сам... Но особую заботу Гостомысл проявлял к младшим дружинникам”.

Первый среди равных – вот обрисованный автором образ князя русов. Мастер, воин, мудрец. Сразу 4 сына Гостомысла погибли в сражениях с захватчиками. Вполне предсказуемо и похороны князя превращаются в некий символ национального единения, в это общее торжество любви, в это общее желание стать новым Солнцем.

В погребальный костёр на берегу Волхова высказывает желание вступить 70-летняя супруга князя Велемиры. Дочери Светозара, Умила и Милорада отговаривают Велемиру, плачут, но та только говорит пылительной вичке Омелфе: “Мне, вичунычка, надо всегда рядом с дедушкой находиться: нельзя его одного оставлять”.

Старшему внуку Водиму Хороброму следует такой наказ: “...за главу дома остаёшься. Береги род наш. Если с мольбой какой-либо обратятся из иных родов, никогда им не отказывай в своём заступничестве”.

Причём, если по массовой литературе мы уже привыкли к кровожадности и грязи “язычников поганых”, то после просьбы Велемиры волхвам оказывается, что уже несколько веков “жёны словенские не восходили на погребальные костры к любимым супругам, хотя всяк помнил и ведал об этом обычай”.

Волхвы озадачены. Да так, что посылают за советом того же 12-летнего Олега к Златогору, “старейшему казателю словенского рода, научителю словен”, с одним-единственным вопросом: что делать с просьбой Велемиры? Златогор, как и волхвы на берегу реки, не горит желанием новой смерти и пытается найти различные увёртки.

Он толкует Олегу, “что князь Вандал велел Венеславе остаться”. Потом ищет формальный повод для отказа: “Княгиня стояла внутри погребального тына или снаружи?”. А если снаружи, то и силы в её просьбе – нет. Остаётся разве что ковш с мёдом княгине выпить, если таковой у кого найдётся.

Успокоенный Олег, – происходящий “из рода Руса и Порусси” по мужской ветви, а по женской от “княгини скифиянок поляницы Тамарсис и Ляксандра из Македонии, князя Сербинов”, – дескать, кто ж захочет свою княгиню жизни лишиться, – бежит обратно. Заменяя уже тогда, что их разговор со Златогором подслушали свей Рурик и Блуд. Подслушали, а потом “порошок для смертного сна” бросили в мёд.

О готовящемся убийстве Олег рассказывает волхву Рядичу, но то только отмахивается. И вот уже Блуд выносит чашу с отравленным мёдом на призыв Велемиры. Но, прежде чем пе-

редать чашу, неожиданно отдаёт волхву чудом сохранённую им в долгой неволе Родовую книгу, “заклочённую в дубовые дощечки. На верхней обложке золотом сияло изображение сварожьего круга, а на нижней – лучистого солнца”.

И вот уже перед русичами не Блуд, а песнопевец Боян, отец Олега. Свей Рурик угрожает своему рабу из темноты, но решение уже принято:

“Варяг, ты худо ведаешь законы древние русинов. В чаше для питья княгине должен быть один лишь мёд, и только мёд – творенье пчёл трудолюбивых. Его тогда она

бы непременно испила, затем на ложе смертное к супругу возлегла. Но здесь, – Блуд поднял высоко чашу, – к хмельному мёду примешан яд, что жизни человека лишает в миг единый. Поэтому княгиня не может и коснуться этой чаши, поскольку в ней находится ядовитый порошок, который не пользу-

щилась жизнь”.

А тем временем в романе продолжается 6370 год “от сотворения мира меж словенами и хинами”. Выясняется, что хромой волхв Рядич давно любит Русаву, а Олег признаётся: “Я буду ждать Омелфу. Она будет моей суженой”.

Красиво, торжественно. Один жест эффектен другого. Понимая, что даже легендарные люди должны хотя бы малость напоминать людей, Ольга Фёдоровна вводит эпизод у бурной реки, когда Волхов идёт вспять. То у ребёнка “порты почали промокать от испускаемой влаги”. То у лодочника

“сзади, сквозь порты виднелось мокрое, жёлтое пятно от лешки”.

Таким нарочито грубым действием Ольга Дубовская пытается вернуть современных читателей её романа к реальности. Только вот получается это у неё плохо, поскольку миф живёт по собственным законам сказа и леген-

ют в своих обрядах словенские роды.

– Ты перекричал меня, ты обманул меня, презренный раб, – вскричал в ужасе незнакомец.

– Шумишь напрасно ты, – отвечал гуслист, – я говорил, что чаша будет выпита до дна, в том слово твёрдое моё. Испить напиток сей, что приготовлен мною, мне же и придётся. Он мне свободу принесёт и кисти мои зарыты будут в родной земле, а не брошены на съедение волкам в стране жестокосердных свеев”.

Сок и умирает очередной человек Солнце – Боян, заплывший “своей жизнью ради спасения Начальной книги”. Курганы Бояну и Гостомыслу устанавливаются рядом. Последующий разговор Велемиры и Русавы, дочки корабельщика Святослава и матери Олега, также происходит на равных, без всяких иерархических условностей.

Ольга Дубовская своим повествованием всячески живописует гармоничный строй жизни русов, в которой нет места какому-либо злу, неправде и несправедливости в принципе.

Характерным видится эпизод на свадебных гуляньях. “Дружинник подошёл к девушке невысокого роста, одетой в зелёный сарафан. Она встала на него глаза, потом потупила взгляд, и её щеки заполыхали краснею маков, вышитых на сарафане. Женщин протянул ей сольвяры, она, не раздумывая, приняла его и уже прямо посмотрела в глаза своему избраннику. Он заулыбался, счастливым тем, что его любовный дар не отвергнут, а был принят. (...) Хороводили до тех пор, пока не переженихались чуть ли не все дружинники”.

Чуть ли не все переженихались, но при этом ни одного отказа! Ни одного несоответствия! Ни одного случая личного несчастья, даже в порядке исключения! Это разительно отличается от нынешних реалий жизни, но именно для того в книге и сообщается.

Не зря всё то, что противостоит позанковому русскому ладу, носит откровенно демонические черты. Это – особая Тёмная Вселенная. Волхв говорил юному Рядичу: “...в словенском роде можно жить только по правде, ибо это людской закон. Ежели человек изрекает кривду, то это значит, что его разум замутит тать тёмной Вселенной и превратит в своего пособника. Потому, отрок, в словенском законе за ложь положена казнь. Ибо, ежели пустить гулять по свету ложь, то вскоре начнётся вражда сперва меж словенского роду, а потом и среди других народов”.

Фактически бороться с этой русской правдой можно только борясь с самой Божьей жизнью: “Тёмные тати уворывают только те планиды, где исто-

ды, где главные герои, по определению, не могут ходить в туалет.

Встреча Рядича, Олега и лодочников Гуды, Актеву очень скоро превращается ещё в одну иллюстрацию прочности, Божественности русского изначания. Слова о захватчиках-хазарах закономерно перерастают в почти эсхатологическую проблему:

“Хазарин, дабы молвить слово, не прилагает к тому словотворению никаких усилий. (...) Наш рот подобен колоклу и слова мы изрекает, то есть говорим только тоды, ежели бряцаем языком либо по зубам али по нёбу. Оттого наш говор звон имеет. А у хазарина слова появляются по-иному... Слова хазарин, буди камни в горле перекатывает, оттого его речь схожа с карканьем вороны. Ленится хазарин потрудиться языком, дабы слово изречь: как живёт, так и говорит”.

Когда же зять старшего лодочника заподозрил предательство среди русов, то Гуды просто свирепеет и бьёт его обломком доски со словами: “Давайте поговорим, как воины”. Назревает драка.

Однако, в ответ на вызов следуют смиренные отказы: “Я не воюю против русинов, – сказал волхв...”. “Дядя Гуды, – сказал Олег, – я тоже не буду держать с тобою брань. Гостомысл рёк, что коли русич подымет оружие на человека из словенского рода, то, значит, он уподобится вору земли Русской... Я не буду поднимать на тебя меч, дядя Гуды. Я – не варяг и не гречанин. Я – русич!”.

Ссора затихает. Злые слова нахлынули, словно природное ненастье, а потом развеялись, ушли. Противостественные, чужеродные здесь, среди русов, этих прямых потомков богов.

Зато уже в следующих главах, повествуя о Риме, все приметы утраченного земного блага являются в откровенной своей мерзости и лжи. Даже слово “Бог” под пером Ольги Дубовской здесь обозначается с маленькой буквы. Особенно если это лично папа римский пишет: “Сам бог возложил на плечи папу заботу о церкви и сделал его неограниченным владыкою её”.

В Риме на смену людям, мечтающим превратить своё тело в новое Солнце, выходят новые типажи. Например, помощник папы – кардинал Аусилий – был “необуздан в гневе и чрезмерно похотливый”. 5 лет назад он купил за 600 унций золота место настоятеля монастыря Санта Мария в Трастевере: “Аусилий с жаром взялся за монастырские дела. Он развернул на территории монастыря виноделие и солеварение...”.

Теперь Аусилий ещё более преуспел в преумножении личных богатств.

В самом разгаре провокация с “декреталиями святого Исидора Меркатора”, оправдывающего безграничную власть папы. В том числе с отдельным пунктом: “Предать смерти тех, кто оскорбил или высмеял духовное лицо”. Пирующие епископы обсуждают “декреталии”, собственноручно написанные папой, делая вид, что не понимают подвоха.

У них фактически нет лиц, нет ярких характеров. И обозначает их Дубовская даже не фамилиями, а масками. Самый критикующий у неё значится как Лысый. Тот, который принёс молоток, чтобы убить сомневающегося ударами по затылку, – Икающий. Только перед лицом всё примиряющей смерти появляются адресные человеческие приметы убитого – епископ из Витербо.

Встаёт вопрос, “каким наилучшим образом можно свалить вину за счастье лысого епископа на варварославян и организовать против них поход”? Чтобы скрыть следы, Ватикан прибегает к услугам Гардиана, главаря шайки разбойников. “Когда богатый и роскошный Рим погружался ночью в непроглядный мрак, Гардиан становился единственным хозяином узеньких улиц, портиков, мостов и городских ворот”.

Попутно папа показывает Аусилию тайную комнату с хрустальной моделью земного шара и знакомит с существованием Родовой книги, которую ранее Боян нашёл способ передать законным владельцам.

Аусилий предсказуемо возмущается: “Ваше преосвященство, согласитесь, что это совершенно невозможно по природе вещей, чтобы варварославяне были рождены богом, а не сотворены, как все нормальные люди, из земной глины. По их книге получается, что славяне – потомки богов, это божественный народ”.

Кардинал бесится: “Надо внушить плебеям, рабам и сенаторам, что славяне ненавидят римский народ, что варвары издревле питают к нам вражду”. И папа полностью согласен со своим помощником:

“Так ты сказал, что славяне лелеют мечту, чтобы завладеть Римом и разрушить её церковь? Тебя осенила очень и очень удачная мысль. Объяви об этой звериной жестокости славян сегодня также и на совещании его императорского величества. Наши добрые соседи должны помочь нам в борьбе с дикими славянами”.

Коварная схема вызывает сама собой: “...монахи, переодетые в одежду сенаторов, будут ходить по улицам и там, где собираются римляне, они расскажут о епископе из Витербо, которого славяне принесли в жертву своим богам”.

Для того, чтобы добыть Родовую книгу и пограбить Русь, начинается поиск послушного человека из русов. И такой человек в Риме есть – это бывший Гремислав Хоробрый, получивший в крещении имя Николай. Беглец из Руси был когда-то князем, счастливым мужем и отцом сына и двух дочек. Всё изменилось в одночасье: “Однажды... я с дружиной возвращался с дальних сенокосов. Дело близилось к вечеру. Вдруг я заметил в поле юную жницу, лет шестнадцати, не более”.

Опять предельно говорящее замечание – князь ездит косить сено. Но случившееся на поле с дочерью кузнеца Пилистой ещё более разделяет два мира – русский и западный. Аусилий с трудом понимает, о чём сокрушается Николай, вынужденный бежать, в том числе, от собственных дружинников и от себя самого.

“Это здесь, в этом мире... нам, владыцям тысяч рабынь, никогда не было доступно такое воображение, как свободная женщина. А там, – он кнул пальцем куда-то на северо-восток, – там словенскую женщину воздвигли на пьедестал преклонения. Ибо женщина, по имени Роусь, супруга божественного Перуна, произвела на свет потомство, положившее начало всем словенским родам. Её именем величают землю моих отцов. А я... растоптал женское достоинство юной рускичи и обрёк её на погибель”.

“На Руси за прелюбодеяние полагается смертная казнь. (...) В землю вбивают рядом четыре столба: два для мужчины и два для женщины. Их привязывают за руки и за ноги к этим столбам и потом разрубает мечом от шеи до паха”.

Ещё более поражает воображение римлянина сообщение о вече. “Ты хочешь сказать, что решение о виновности или же оправдании человека выносит плебс, простолудины? – кардинал с изумлением возрился на Гремислава. – Тугоголовая чернь называет свою волю князю? Как можно князю и его сановникам ставить себя наравне с этим смрадным навозом, подлыми людскими? (...) Язык толпы подобен отраве, медленно, но верно разъедающей основы божественной власти!”.

И, наконец, своеобразным средоточием контраста двух таких разных цивилизаций становится рассказ о рус-

ских обычного раба Добромира. Его истории поначалу воспринимается окружающими как затейливые байки, постепенно превращаясь в некое Божественное откровение.

“Не зреть конца и краю роцам, лесам и пашням на земле русинов. (...) В земле русинов озёр и рек не счесть, в них рыбы водится богато. Улов же доброй рыбки поровну делают меж собой. (...) В стране русинов много жилищ общих... (...) Общиной крепкой издревле мой народ живёт. (...) На дверях замков словене не имеют”.

“Словене воздвигли мир правды и труда. Да будет вам ведомо, что в словенских землях труд за счастье почитают, дабы разумными делами мир красотою наполнять. Всеобщий закон труда в семью объединяет всех людей... Мы оградили наш мир межой любви. Раздора не бывает среди словен. Там, где живёт правда – нет насилия и рабства, там свобода процветает”.

“Солгав хоть в малости единой, человек выбивает ударом дерзким ложе прочное из-под души. И нежная душа мятётся, стонет, плачет, теряя силы, и прочь стремится покинуть существо, охваченное злобной ложью. А он, безумец, с каждой новой ложью, утрачивает облик человека, ибо только душа способна осветить разум и направлять человека на добрые поступки”.

“Когда человек из куски глины лепит горшок, или из груды железа куёт меч, или из лоскута кожи шьёт обувь – он подобен богу, творцу Вселенной. Ибо в этот великий миг человек из небытия созидает бытие. Счастье для человека – из тьмы глубокой извлечь вещь, наполненную божественным глаголом, ибо всё сотворённое руками человека есть глагол бога”.

Имеющий уши – да услышит! Словами Добромира проникаются многие. Даже разбойник Гардиан в конечном итоге на берегу Тибра говорит свой тяжёлый монолог:

“Жизнь моя протекает, словно крова, во мраке ночи: в поисках пищи и денег. (...) У меня никогда не будет жены, так как мне не на что построить дом, куда можно было бы привести супругу. А значит, у меня никогда не будет и сына, моего кровного потомства. (...) Я гражданином Рима, но до меня государству нет дела: я никому не нужен в родной Италии. Я чувствую себя даже не пасынком в своём отечестве, о пасынке всё-таки пекутся либо мачеха, либо отчим. А чувствую я себя затравленным волком, гонимым богатыми сенаторами, верными псами церкви – священниками и крестоносцами, да свирепыми служителями императора”.

Тем временем император Людовик с папой продолжают спланировать ненавистников Руси. Признавая, что римляне вояво бегут на Русь. Да и “многие греки тоже считают, что их свободу заковали в оковы императорской самовласти и христианской церкви и толпами покидают наше царство. Они устремляются к русинам”.

Людовик обращается к своим соратникам во время пиришества во дворце: “Братья... нам выпала великая миссия: наступила пора снять с плеч русинов неподъёмный для них груз богатства”. Звучит и самое страшное по мысли западного мира обвинение. Его формулирует Рурик Старший, некогда выгнанный Гостомыслом: “Князья русинов низвели себя в равенство с плебсом. Таким недостойным поведением князья русинов навлекают позор на императорскую власть всех народов”.

Слова Николая Гремислава о смерти великого князя оказывались при таких настроениях очень кстати. Запад готовит оружие, готовит миссионеров и уже знает, что ему делать, стратегически мыслия ничуть не хуже Аллена Даллеса: “Надо чтобы русин-христианин и русин родной веры возненавидели и с презрением смотрели друг на друга; надо добиться того, чтобы они считали друг друга отступниками и предателями истинной веры”.

На этом, впрочем, первая книга романа “Великий русский князь” Ольги Дубовской завершается. Прозревший Гардиан с соратниками плывёт на Русь. Отравленный собственным ядом Аусилий издыхает на глазах папы. Через 40 дней войска Хазарии, торков, греков, германцев и варягов выступают против Руси. Жизнь-сказка, жизнь-легенда оказывается после кончины Гостомысла перед прямой угрозой.

Не место сейчас разбирать историческую достоверность всех приведённых в романе Дубовской имён, фактов и событий. Для этих целей существуют иные книги с чётким указанием “учебник” на обложке. Гораздо важнее, что после прочтения всего этого живописного, порой гротескного, порой памфлетного сочинения нельзя не полюбить свою Родину ещё крепче и ещё глубже.

На уровне сознания и подсознания. Умом и сердцем. Невольно заставляя восклицать не хуже Гардиана: “Живут же на Руси! Хочу на Русь!”. Восстанавливая в душе и сердце, кажется, не до конца ещё утраченный Золотой век.

Глас вопиющего...

Однажды в высоком федеральном собрании со своим посланием к народу выступил Шах и сказал, что в стране развелось много

Спекулянты, шах и Ходжа Насреддин

опасных валютных спекулянтов, которые, нагло не скрываясь, грабят народ и государство.

В продолжение своей речи, обращаясь к министрам и главному хранителю банка, Шах приказал объединиться в усилиях и, публично изобличив спекулянтов, строго их наказать. Чтобы впредь у всех прочих любителей легкой наживы такую охоту отбить.

Приказ отдан, надо исполнять, а кого наказывать, где искать спекулянтов – вельможи не знают.

После собрания все они собрались и в растерянности и спрашивают друг у друга: “Кто те самые спекулянты, которых Шах по-

велел наказать? Где нам их найти? Кто они?”.

Но кого бы не спрашивали, никто не знает, а у Шаха вельможи спростить бояться. Мало ли что ему сгоряча в голову придёт.

Вдруг за несообразительностью уволит.

На другой день Шах вызывает к себе своего советника Ходжу Насреддина и говорит: “Вчера я отдал приказ наказывать валютных спекулянтов. Составь мне список этих самых отвязанных бесстыжих негодяев. Их надо будет публично строго наказать”.

Ходжа Насреддин, не откладывая дело, взял бумагу и тут же составил список.

Первым в него он включил Шаха, вторым главного хранителя банка, затем главного визиря, далее министра финансов, других министров правительства и всех до одного депутатов верховного собрания.

Шах посмотрел на список и поблденел от

злости. У него даже от потрясения выступил холодный пот.

– Ты, что же этот тут написал. Ты считаешь, что я самый первый наглый, опасный государственный спекулянт, который грабит

свой народ и государство?

– Не гневайся великий повелитель, – смиренно отвечал Ходжа. – Ты же сам приказал составить список самых опасных спекулянтов. А я всего лишь выполнил твой приказ. Люди ведь видят и от народа “шила в мешке не утаишь”.

Ты и есть тот самый опасный наглый спекулянт.

Не ты ли несколько дней назад перед народом хвастался, что наполнил расходный бюджет для услды своих вельмож миллиардами спекулятивных денег от девальвации отечественной валюты.

Не ты ли этим самым ограбил свой народ,

способствуя росту цен.

Не с твоего ли разрешения существует притон для спекулянтов – валютная биржа.

Не тебе ли в первую очередь она выгодна.

Не тебе ли удобно, чтобы неизвестные валютные спекулянты отвечали за твои ошибки.

Не тебе ли выгодно переводить на спекулянтов свою вину и за их счет скрывать банкротство политики управления в экономике и отсутствие стратегии.

Мелкие спекулянты не так опасны, как те, которые прикрываются высокими должностями, обманом и полицейскими дубинками.

Не тебе ли выгодна цензура и отсутствие публичного диалога с властью.

Где растрастешь государство ворахми, там его не соберешь крохами.

Кто любит Россию, тот должен желать для неё не только свободы слова в “Гайд-парке”, а возможности открытого и равноправного диалога народа с властью.

Владимир ГАРМАТЮК

